ИСТОРИЯ ПРАВОВЫХ ИДЕЙ И ИНСТИТУТОВ

ЛЕОНИД ГАРРИЕВИЧ БЕРЛЯВСКИЙ

Ростовский государственный экономический университет «РИНХ»

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 166.

E-mail: berlg@yandex.ru

SPIN-код: 2534-0714

DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-6-berlyavsky

КОНСТИТУЦИОННО-ПРОГРАММНЫЙ ХАРАКТЕР СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА

Аннотация. Акты политических партий, в особенности их программные документы, являются источниками конституционного права. В Советском государстве коммунистическая партия обладала законодательной и исполнительной властью, оказывала решающее воздействие на деятельность судебных органов. Программная функция первых советских конституций была преобладающей. В этом плане конституционное (государственное) право советского периода возможно охарактеризовать как конституционно-программное. Конституционно-программное содержание государственного права советского периода проявлялось в том, что в программных документах правящей партии зачастую содержались представления ее руководящих органов о конституционном идеале. Подобными идеалами были безгосударственное общество (Конституция РСФСР 1918 г.), союзное советское государство (Конституция СССР 1924 г.), социалистическое государство рабочих и крестьян (Конституция РСФСР 1925 г., Конституция СССР 1936 г.). В советских партийных и государственных документах, научных трудах юристов-государствоведов обосновывался приоритет политической целесообразности, социально-политического программирования и экспериментирования. При высокой степени централизации политической системы высшую юридическую силу имели политические доктрины, сформулированные главой партии и государства.

Ключевые слова: программные документы, источники конституционного права, Советское государство, программная функция, первые советские конституции, конституционный идеал, политические доктрины

LEONID G. BERLYAVSKY

Rostov State University of Economics
344002, Rostov-on-Don, M. Gorky str., 166.
E-mail: berlg@yandex.ru
SPIN-код: 2534-0714

**CONSTITUTIONAL AND PROGRAMMATIC
NATURE OF THE SOVIET STATE LAW**

Abstract. Acts of political parties, especially their policy documents, are the sources of constitutional law. In the Soviet state the Communist party had legislative and executive power and had a decisive influence on the activities of the judiciary. The programmatic function of the first Soviet constitutions was predominant. In this regard, the constitutional (state) law of the Soviet period can be described as constitutional and programmatic. The constitutional and programmatic content of the state law of the Soviet period was manifested in the fact that the program documents of the ruling party often contained representations of its governing bodies about the constitutional ideal. Such ideals were stateless society (Constitution of the RSFSR 1918), Union of the Soviet state (the USSR Constitution of 1924), socialist state of workers and peasants (the Constitution of the RSFSR 1925, the USSR Constitution 1936). The priority of political expediency, socio-political programming and experimentation was justified in Soviet party and state documents and scholarly works of state lawyers. With a high degree of centralization of the political system, political doctrines formulated by the head of the party and state had the highest legal force.

Keywords: program documents, sources of constitutional law, Soviet state, program function, first Soviet constitutions, constitutional ideal, political doctrines

Современный конституционализм юридическим основанием имеет, как правило, писаную конституцию (кодифицированную или нет). Парадигма писаной конституции стала пониматься сообществом конституционалистов как наиболее востребованная модель правового регулирования и как наиболее распространенное правовое явление в государствах с различным уровнем социально-политического и социально-экономического развития¹.

Однако исследование конституционных основ советского государственного строя невозможно без изучения программных установок коммунистической партии по данным вопросам. Видный конституци-

¹ См.: *Кравец И.А.* Конституция и ценности конституционализма как мега-парадигмы // Государство и право. 2018. № 12. С. 48.

оналист А.С. Автономов отмечает, что в ряде случаев акты, изданные партиями, выступают в качестве источников государственного права. Вместе с тем партийные акты, несмотря на их значимость в отдельных странах, — это дополнительный источник права. Так, в странах, где решения партии фактически обладают большей силой, чем акты государства, причем партийные решения принимаются практически по всем вопросам, это вызвано тем, что «партийный аппарат сросся с государственным, т.е. превратился в часть государства»².

Последний вывод явно опровергает положение А.С. Автономова о том, что партийные акты являются дополнительным источником права в странах, где решения партии реально обладают большей силой, чем акты государства.

Уже в 1921 г. впервые в законотворческом процессе высших советских органов отмечено серьезное вмешательство со стороны партии большевиков. Это вмешательство было осуществлено высшим партийным органом — X съездом ВКП (б), и связано с чрезвычайной ситуацией, вызванной кризисом социально-экономических отношений, приведшей к угрозе возобновления гражданской войны. Это вмешательство положило начало снижению роли Всероссийских съездов Советов как верховных законодательных органов, сохранилась лишь их представительная функция³.

В юридической литературе сталинского периода указывалось, что «совместные выступления СНК СССР и ЦК ВКП (б) всегда имели место, когда требовалось достигнуть решительного перелома в той или иной важнейшей области работы, когда особенно требовалось обеспечить поддержку правительственных мероприятий со стороны широких трудовых масс, когда намечалось новое направление работы при новых условиях ее, когда должна была быть развернута решительная борьба за проведение правильной линии партии в области хозяйственного или культурного строительства, борьба с извращениями в этой области»⁴. Отмечалось, что значительную роль сыграли совместные постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) в области коренного переустройства сельского хозяйства: о работе зерносовхо-

² Автономов А.С. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М., 2005. С. 44.

³ См.: Максимова О.Д. Законотворчество в Советском государстве 1917–1936 годов: Дис... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 20.

⁴ Очерки по истории органов советской государственной власти (материалы к изучению истории советского государства и права) / С.А. Голембо, И.И. Евтихеев, А.И. Лепешкин и др. М., 1949. С. 192.

зов, развитии социалистического животноводства, о подъеме урожайности, о новых формах заготовок сельскохозяйственных продуктов.

Однако впоследствии ряд авторитетных советских правоведов, в частности, В.С. Основин и другие авторы достаточно осторожно подходили к вопросу о зачислении такого вида актов, как совместные постановления ЦК КПСС и Совета Министров Союза ССР, в категорию источников права отрасли на том основании, что они, как правило, не регулируют государственно-правовых отношений⁵.

В отличие от них, В.О. Лучин «акты, исходящие от государственных органов и Коммунистической партии», трактовал как имевшие двойственную государственно-общественную природу, совмещавшие качества правовых актов и партийных директив, что придавало им особое общественное значение и авторитет⁶.

В этом вопросе с ним солидарны многие ведущие советские и современные государствоведы, включавшие в систему источников советского права программные документы партии⁷. Совместные постановления партийных и государственных органов относились к числу источников всех без исключения стран народной демократии⁸.

Как отмечает в своем исследовании С.А. Токмин, коммунистическая партия в советском государстве переросла рамки общественной организации и обладала фактически не только идеологическими средствами воздействия, но и реальной властью, в том числе и законодательной. Правотворческая роль коммунистической партии в советской политической системе связана с особым ее положением в государстве, которое сложилось в результате воздействия нескольких

⁵ См.: Основин В.С. Нормы советского государственного права. М., 1963. С. 92; и др.

⁶ См.: Лучин В.О. Источники советского государственного права: Учеб. пособие. Куйбышев, 1976. С. 33.

⁷ См. подробнее: Винниченко О.В., Ваганов А.М. К вопросу об определении статуса партийных актов в системе источников советского права // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2012. Вып. 3. С. 204–209. При этом недостаточно обоснованным выглядит итоговый вывод авторов статьи о том, что образование правовой системы советского общества, в которой фактически большую силу имели партийные акты, являющиеся неправовыми регуляторами, стало результатом не простого стечения обстоятельств в рассматриваемый исторический период, а было моментом в общей российской правовой традиции приоритета власти над правом и распространности правового нигилизма.

⁸ См.: Государственное право стран народной демократии / Гудошников Л.М., Коток В.Ф., Туманов В.А., Фарберов Н.П.; под ред. В.Ф. Котока. М., 1961. С. 31.

факторов: формирование однопартийной системы, сращивание партийного и государственного аппарата и примат партийной власти над властью государственной. Партийные акты, содержащие предписания, которые и с точки зрения формы, и с точки зрения их содержания могут быть отнесены к нормам права, являются источниками права; предложено именовать такие акты «партийными нормативными правовыми актами»⁹.

Совместные постановления партийных и государственных органов как источник права характерны для административно-командной системы управления. Данный термин был предложен известным политиком и экономистом Г.Х. Поповым¹⁰. В юридической литературе определены общие критерии такого рода системы. Во-первых, интегральный характер, который выражается в создании слитных партийно-государственных структур с включением в их орбиту общественных организаций, господстве единой идеологии, ликвидации автономии центров принятия решений, упразднении легальной политической оппозиции, исключительной роли партийно-государственного лидера, принижении политического значения гражданина, сводимого к роли «винтика» в бюрократической системе, неизбежном ограничении права и свобод гражданина. Во-вторых, командная система отвергает способы саморегуляции общественного организма, делая ставку преимущественно или целиком на силовые, принудительные методы¹¹.

⁹ См.: *Токмин С.А.* Партийные акты в системе источников советского права: Дисс. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016. С. 8–9. Автором выделены формы участия коммунистической партии в правотворческой деятельности советского государства: первая форма — это издание партийных актов как базы законодательных актов; вторая форма — участие партийных структур в процессе законотворчества; третья форма — это издание совместных партийно-правительственных актов; четвертая форма — автономное правотворчество партийных органов, охватывающее случаи самостоятельного издания партией полноценных правовых норм, не предусматривающего участия государства. Три первых формы так или иначе опосредованы государственной правотворческой деятельностью.

¹⁰ См.: *Попов Г.Х.* Блеск и нищета административно-командной системы. М., 1990.

¹¹ См.: *Чиркин В.Е.* Глобальные модели политической системы современного общества: индикаторы эффективности // *Государство и право.* 1992. № 5. С. 84–85. Видный философ права Э.Ю. Соловьев дал следующее определение идеологии — это доктринально оформленное ложное сознание, которое, как правило: а) выдает известный частный, особенный интерес за всеобщий; б) предъявляет относительные, исторически обусловленные истины в качестве безусловных и даже абсолютных («истин в последней инстанции»); в) сообщает своим определениям

В сложившейся административно-командной системе государственные и хозяйственные органы действовали под жестким контролем партийных органов и в рамках централизованного ведомственного управления. Сформировался привилегированный слой бюрократии, занимавшей места в партийных, советских, военных, хозяйственных, репрессивных и иных органах¹². На протяжении десятилетий советское право было средством осуществления партийной политики и идеологии, жесткого регулирования экономики, гасившего всякую хозяйственную самостоятельность, средством тоталитарного вмешательства во все сферы социальной и даже личной жизни¹³. При всем этом в условиях рыночных отношений периода нэпа административно-командная система оказалась не в состоянии эффективно контролировать даже органы государственного управления и государственные учреждения¹⁴. Не случайны экономические судебные процессы периода нэпа¹⁵.

По сравнению с административно-командной системой термин «сталинизм» является более широким по объему понятием. В политологическом контексте он обозначает тоталитарный государственный режим, имеющий такие родовые признаки, как административно-ко-

и ключевым констатациям амбицию руководящих текстов. истинное знание присутствует в идеологии как задействованное — как вмонтированное в обман. См.: *Соловьев Э.Ю.* Идеология как объект философской критики // *Философия и идеология: от Маркса до постмодерна* / Отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов. М., 2018. С. 62, 63.

¹² См.: *Исаев И.А.* История государства и права России. М., 2004. С. 692–693.

¹³ См.: *Теория государства и права* / Под ред. В.К. Бабаева. М., 2003. С. 218.

¹⁴ По данным арбитражных комиссий, во второй половине 20-х гг. расположенные в Ленинграде государственные Академия художеств, Педагогический институт им. Герцена, Горный институт, Научно-мелиорационный институт, индустриальный и лесной техникумы организовали строительные конторы и бюро как в месте своего нахождения, так и вне его, главным образом, в Москве. При этом наиболее вопиющей была рыночная активность военно-научных учреждений, органов военного управления и даже правоохранительных органов. Военно-топографическое управление РККА сняло в аренду пекарню, научно-издательский отдел Военно-морских сил Республики открыл торговлю фарфоровой посудой, Ростовский уголовный розыск — торговлю подсолнечным маслом, один из исправительно-трудовых домов — торговлю мясом (совместно с частными лицами); газета «Ижевская правда» эксплуатировала смолокурный завод, а два местных органа ГПУ — драматический театр и штамповальный завод. См.: *Венедиктов А.В.* Правовая природа государственных предприятий. Л., 1928. С. 148.

¹⁵ См.: *Кондурушкин И.С.* Хозяйственно-экономические судебные процессы периода нэпа. Обвинительные речи. М.; Л., 1930.

мандная система руководства, проведение жестокой репрессивной политики, пренебрежение законом, попрание прав личности, и назван по имени И.В. Сталина, так как советская модель тоталитаризма сформировалась в период сталинского правления. В историческом контексте существование сталинизма ограничено хронологическими рамками, которые максимально раздвигаются с конца 1920-х гг. до смерти Сталина в 1953 г.¹⁶

Как установлено в постановлении Конституционного Суда РФ от 30 ноября 1992 г. № 9-П по делу о проверке конституционности КПСС и Компартии РСФСР, в стране в течение длительного времени господствовал режим неограниченной, опирающейся на насилие власти узкой группы коммунистических функционеров. Руководящие структуры Коммунистической партии «присвоили государственно-властные полномочия и активно их реализовали, препятствуя нормальной деятельности конституционных органов власти»¹⁷.

В Особом мнении судьи Конституционного Суда РФ Б.С. Эбзеева к постановлению по данному делу утверждается: «Нет сомнения в том, что компартия изначально занимала особое место в политической системе общества, сложившейся после октября 1917 года. В.И. Ленин, подчеркивая, что «вся юридическая и фактическая конституция Советской республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу...», дал важнейшую качественную характеристику партии «нового типа», пришедшей к власти и в лице партийного руководства от имени пролетарских слоев населения осуществлявшей свою диктатуру как «ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть»¹⁸.

В Особом мнении судьи Конституционного Суда РФ А.Л. Конова зафиксировано, что с момента незаконного захвата власти в ок-

¹⁶ См.: Историография сталинизма: Сб. ст. / Под ред. Н.А. Симония. М., 2007. С. 7.

¹⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 1992 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности Указов Президента РФ от 23 августа 1991 года № 79 «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР», от 25 августа 1991 года № 90 «Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР» и от 6 ноября 1991 года № 169 «О деятельности КПСС и КП РСФСР», а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 11. Ст. 400.

¹⁸ Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Б.С. Эбзеева // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 11. Ст. 400.

тябре 1917 г. организация, переименованная впоследствии в КПСС, становится государственной партией, единолично удерживающей в своих руках рычаги государственной власти, определяющей все стороны государственной, общественной и личной жизни граждан. Общеизвестные факты, многочисленные документальные данные, показания свидетелей и экспертов говорят о том, что КПСС, узурпировав власть в октябре 1917 г. путем вооруженного переворота, ликвидировала насильственным образом все другие оппозиционные партии и движения, подавила все демократические институты, опираясь на сформированные в партийном порядке, подконтрольные и подчиненные ей через партийную номенклатуру и уставные отношения государственные властные структуры, явилась главным связующим стержнем тоталитарного государства¹⁹.

В соответствии со ст. 126 Конституции СССР 1936 г. и ст. 130 Конституции РСФСР 1937 г. коммунистическая партия представляла собой «руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных». На основании этого ее программные установки, выраженные в программах данной партии, решениях ее руководящих органов, были обязательны для всех государственных органов, общественных организаций и советских граждан. Данные установки действовали наряду с конституционными, зачастую дополняли или отменяли последние, служили ценностными ориентирами для законотворчества и правоприменения.

Вместе с тем оценки государственно-правовых основ советского общественного строя следует базировать на принципах конкретности и историзма. В частности, заслуживает поддержки вывод О.Д. Максимовой о том, что анализ земельного законодательства РСФСР, созданного в 1921–1922 гг., позволяет утверждать, что советское государство стало проводить политику в интересах российского крестьянства и благодаря этому сумело завоевать его поддержку. В связи с этим спорными представляются выводы исследователей о том, что будто бы советская власть на протяжении всего периода с 1917 г. по 1930-е гг. вело войну против крестьянского населения страны²⁰.

С другой стороны, к концу 30-х г. окончательно сформировались необходимые элементы командной экономики. Сложилась строй-

¹⁹ См.: Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ А.Л. Кононова // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 11. Ст. 400.

²⁰ См.: *Максимова О.Д.* Указ. соч. С. 253. См.: *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., 2001. С. 5–6.

ная система контроля за действиями руководящих кадров, включавшая и партийный, и государственный (Наркомгосконтроль), и, быть может, самый важный и осведомленный, контроль госбезопасности. Сложилась система строжайшей дисциплины и ответственности руководителей разного уровня, рабочих и колхозников за результаты труда, за выполнение планов. В период перестройки, в 80-е гг., система хозяйственного управления сталинской эпохи беспощадно осуждалась за суровость, жестокость. В пылу критики не замечали не только ее полного соответствия природе командной экономики. Отказывались видеть ее неразрывную связь с модернизацией экономики, с преобразованием аграрного общества в высокоиндустриальное, немыслимое без строгой дисциплины и ответственности. Сталинское руководство взяло на себя ту миссию преобразования поведения населения России, которую не успел выполнить капитализм, охвативший в свое время лишь небольшую часть хозяйственной жизни страны²¹.

Исходя из вышесказанного, конституционное (государственное) право советского периода правильнее характеризовать как *конституционно-программное*. В частности, в Конституции РСФСР 1918 г. элемент программности содержался уже в разделе первом — Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа²². Последующая практика показала, что нормы этой Конституции не воспринимались правящими элитами как абсолютная догма. В итоге Конституция представляла собой скорее не юридический акт, а политический документ, отражавший программу правительства на данном этапе государственного развития²³.

В частности, В.И. Ленин предлагал признать отмененными «все законы, противоречащие декретам нового правительства, а также программам-минимум победивших партий с.-д. и с.-р.»²⁴. Видный советский правовед П.И. Стучка разрабатывал понятие «программа советского права», которое образуется как право переходного периода,

²¹ См.: Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время: монография: В 2 т. Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов — 1987 год. Новосибирск, 2008. С. 15.

²² См.: Чистяков О.И. Избранные труды. М., 2008. С. 312.

²³ См.: Пашенцев Д.А. Конституция РСФСР 1918 года как памятник революционной эпохи (к 100-летию первой российской конституции) // Государство и право. 2018. № 11. С. 95.

²⁴ Цит. по: Стучка П.И. Революционная роль советского права. М., 1934. С. 91–92.

«но явно классовое, поскольку мы еще не достигли этой ступени развития, а к ней лишь приближаемся»²⁵. Конституция понималась им как результат классовой борьбы, организация участия господствующего класса во власти²⁶.

С.А. Авакьян подчеркивает важность того, что нельзя сводить конституционное развитие лишь к появлению актов, формально именуемых конституциями. «Следует учитывать совокупности актов конституционного уровня и значения, исходя из сказанного выше, они вместе представляли образ конституции для своего этапа. С учетом этого можно говорить о существовании конституционного регулирования (или его начал) в России во все периоды отечественной истории»²⁷. С позиций конституционного права критерием отнесения к актам конституционного уровня должен быть научно обоснованный вклад конкретного акта в движение к установлению конституционного строя в современном понимании как конечному результату действия избранного компонента конституционной истории хотя бы на протяжении определенного конституционного цикла²⁸.

Анализ партийных программ и законодательных актов дает основание современным правоведам утверждать, что в 1917–1918 гг. в законотворчестве воплощались программные требования как партии большевиков, так и левых эсеров. Отмечается, что идея об использовании программ партий РСДРП и ПЛСР вместо отмененных законов свергнутых правительств принадлежала В.И. Ленину. Материалы VIII съезда Советов могут служить доказательством того, что большевики планировали перейти к коммунистическому строю сразу после окончания гражданской войны²⁹.

В то же время в традиционном русле внутригосударственной конституционной юриспруденции исследование конституционной телеологии и конституционной аксиологии в современных научных публикациях связывается с различными конституционно-правовыми институтами и процессами в российской юриспруденции. Доктрина и практика конституционной телеологии на современном этапе скла-

²⁵ Стучка П.И. Учение о Советском государстве и его Конституции СССР и РСФСР. М.; Л., 1929. С. 20.

²⁶ См.: там же. С. 89.

²⁷ Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: В 2 т. Т. 1. М., 2014. С. 206.

²⁸ См.: Андреева Г.Н. Проблема полноты научной картины российской конституционной истории // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 5. С. 52.

²⁹ См.: Максимова О.Д. Указ. соч. С. 56, 126.

дывается в том числе под влиянием советского опыта создания программных положений конституций³⁰.

Сущность конституционно-программного государственного права советского периода заключается в следующем:

1) по большей части в исследуемый период понимание конституции было инструменталистским: «Конституция — основной закон, согласно которому должна организоваться государственная власть и должны определяться порядок и формы участия населения в законодательстве и управлении»³¹. В этих условиях наряду с первыми советскими конституциями действовала Программа РКП (б) 1919 г. (формально до 1961 г.) и решения руководящих органов правящей партии, фактически имевшие одинаковую (либо в отдельных случаях даже большую) юридическую силу по сравнению с нормами советских конституций³², поскольку коммунистическая партия была правящей. Именно в Программе РКП (б) были зафиксированы конституционные принципы экономической, социальной, политической, духовной системы общества³³. Для исследования конституционно-программного государственного права советского периода большую важность имеет концепт комбинированной конституции, в соответствии с которым само понимание конституционного текста весьма специфично, и реализация конституционной реформы может быть сконцентрирована вне рамок статутного права³⁴;

³⁰ См.: *Кравец И.А.* Конституция и ценности конституционализма как мега-парадигмы. С. 51.

³¹ Конституция // Энциклопедия государства и права / Под ред. П.И. Стучки. Т. 2. М., 1926. С. 503.

³² В данном определении подчеркивается, что программы правящей партии и решения руководящих партийных органов по их реализации распространялись на неопределенный круг лиц, практически на все население страны, в то время как уставы и решения, связанные с внутрипартийной жизнью — в основном на членов партии.

³³ По мнению исследователя истории науки советского государственного права Н.Я. Куприца, «в действительности советское государственное право существовало как отрасль действующего права и как наука (научная дисциплина). Это вытекает из идей и положений по вопросам государства и права, выраженных в Программе РКП (б), в материалах X, XII, XIII, XV партийных съездов, XIV партийной конференции, из Советских конституций (*Куприц Н.Я.* Вопросы истории науки советского государственного права переходного периода // Советское государство и право. 1969. № 3. С. 115).

³⁴ См.: *Бондарь Н.С., Джагарян А.А.* Конституционные реформы: pro et contra (по страницам монографии: Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в современном мире. М.: Наука РАН, 2016. 320 с.) // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 6. С. 75.

2) для начального этапа советской юридической науки было характерно отождествление практически всех норм, устанавливавших основы аграрного строя, с конституционными в Декрете о земле 1917 г., «Основном законе о социализации земли» (январь 1918 г.), иных актах. Председатель Верховного суда РСФСР П.И. Стучка, характеризуя значение Земельного кодекса РСФСР 1922 г., утверждал, что это «не обычный свод законов, который регулирует земельные отношения республики, а настоящая Конституция целого общественного класса, связанного с землей»³⁵. Одной из особенностей законотворчества в Советской России начиная с 1921 г. становится то, что сначала принципиальное решение принималось партийным органом и затем оно выносилось на утверждение высших советских органов — СНК РСФСР, Президиума ВЦИК, ВЦИК или Всероссийских съездов Советов. Таким образом, для изучения процесса законотворчества, выяснения причин и обоснований принятия того или иного положения необходимо изучать и анализировать не только советские, но и партийные документы³⁶;

3) в годы борьбы за коллективизацию сельского хозяйства целые отрасли права, в частности земельное законодательство, развивались «главным образом за счет принятия партийно-правительственных документов, а не законов»³⁷. Определяющее значение для установления основ аграрного строя, развития советского колхозного права имели постановления и резолюции Пленумов ВКП (б). В 1927–1936 гг. неоднократно принимались акты ЦК ВКП (б), не являвшиеся нормативно-правовыми, но на практике имевшие силу закона³⁸. Такая трансформация была обусловлена представлением о праве как об инструменте государственной политики (поэтому акты, которыми регламентировались наиболее серьезные политические акции, например коллективизация сельского хозяйства, исходили из двух источников: правительства и ЦК)³⁹;

4) конституционно-программное содержание государственного права советского периода заключалось также в том, что в программных документах правящей партии зачастую содержались представле-

³⁵ Стучка П.И. Курс советского гражданского права. Т. 1. М., 1928. С. 77.

³⁶ См.: Максимова О.Д. Указ. соч. С. 252.

³⁷ Краснова И.Ю. Земельное право. М., 2003. С. 28.

³⁸ См.: Королева Е.В. Организационно-правовые основы коллективизации сельского хозяйства в Советской России в 20–30е годы XX века: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Курск, 2013.

³⁹ См.: Исаев И.А. История государства и права России. М., 2014. С. 249.

ния ее руководящих органов о конституционном идеале, поскольку «конституционный идеал в узком смысле — совокупность тех идей об оптимальной справедливой организации государства, которые должны найти соответствующее выражение в конституции»⁴⁰. Таковыми были конституционный идеал безгосударственного общества (Конституция РСФСР 1918 г.), союзного советского государства (Конституция СССР 1924 г.), социалистического государства рабочих и крестьян (Конституция РСФСР 1925 г., Конституция СССР 1936 г.);

5) коммунистическая партия была признана ведущим элементом советского государственного механизма. В частности, она рассматривалась как «уже не партийная организация, а своего рода революционная коммуна пролетариата», которая «непосредственно сливается с революционным народом», особый статус которой должен быть закреплён конституционно. В лекциях по основам Советской Конституции видный советский правовед М.А. Рейснер обосновывал необходимость дополнить основной закон соответствующим положением о коммунистической партии и ее политической программе, что, по его мнению, даст возможность непосредственно связать партию с государственной машиной и обеспечить ее господство в законодательной деятельности⁴¹. Подобное предложение воплотилось в нормы Конституции Союза ССР 1936 г. Вместе с тем еще в первой половине 20-х г. в советской правовой литературе указывалось на необходимость юридизации деятельности правящей партии, велась речь о нормах «партийного законодательства РКП» и даже обсуждался вопрос о создании общепартийного кодекса⁴². Утверждалось, что нормы, создаваемые правящей коммунистической партией, «имеют в известном смысле юридический характер». Со-

⁴⁰ Андреева Г.Н. Указ. соч. С. 60.

⁴¹ См.: Скибина О.А. Государственно-правовые взгляды М.А. Рейснера: Дисс. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2015. С. 194. По мнению Рейснера, «теоретически вполне возможно, конечно, представить коммунистическую партию в качестве носительницы пролетарской диктатуры. Такого рода избранное активное меньшинство и по своему составу, и по программе вполне удовлетворяет требованиям революции. Однако подобное предоставление верховной власти партии при праве ее принимать и исключать своих членов, с одной стороны, превратило бы самое партию в замкнутую и исключительную касту, отрезанную от масс, а с другой — привело бы республику к аристократической форме правления со всеми пороками и преступлениями, свойственными тирании привилегированного меньшинства. Повторилось бы нечто вроде кастового государства, где извращенные партийные бюрократы выродились бы в мандаринов и крепостников беспартийного стада». Цит. по: Рейснер М.А. Государство буржуазии и РСФСР. М.; Пг., 1923. С. 307.

⁴² См.: Берлявский Л.Г., Данихно С.Н. Классификация источников конституционного права. М., 2019. С. 170—171.

вокупность этих норм он называл «особого рода правом — партийным правом, самостоятельной и соподчиненной с советской отраслью права»⁴³. Такого рода предложения партийно-государственным руководством не поддерживались. По мнению прокурора РСФСР Н.В. Крыленко, «наши законы — это форма, в которую партия облакает свою волю. Все акты нашей партии... все основные лозунги нашей партии немедленно находили отражение в советских законах. Эти законы есть не что иное, как указания партии»⁴⁴;

б) в партийных и государственных документах, научных трудах юристов исследуемого периода обосновывался приоритет политической целесообразности, социально-политического программирования и экспериментирования. В частности, В.И. Ленин утверждал, что «смешивать средних крестьян с кулачеством, распространять на них в той или иной степени меры, направленные против кулачества, значит нарушать самым грубым образом не только все декреты Советской власти и всю ее политику», поскольку среднее крестьянство, «имеющее сравнительно крепкие экономические корни, в силу отсталости сельскохозяйственной техники от промышленной даже в передовых капиталистических странах, не говоря уже о России, будет держаться довольно долгое время после начала пролетарской революции»⁴⁵. Од-

⁴³ См.: *Равич С.И.* О характеристике норм партийного законодательства РКП (К вопросу о создании общепартийного кодекса) // Советское право. 1923. № 3. С. 100. В противовес этой позиции, М.А. Рейснер считал, что вопрос о публично-правовом положении партии в общей конструкции Советов мог бы особенно беспокоить юриста, выросшего на строгом разделении факта и права, политической и публично-правовой сферы. «И такой государствовед, изучающий конституцию, не имеет права заниматься вопросом о положении и деятельности тех организованных живых сил, которые каждую минуту преобразуют эту самую конституцию. Но такие правила вряд ли могут считаться обязательными для исследователя советского строя. И это по двум причинам: с одной стороны, в государстве Советов совершенно устранено старое различие между «обществом» и «государством», так как исчезло и старое различие между частными публичным правом, с другой же — в революционном процессе до такой степени стерлась граница между правом официальным и естественным, или, иначе говоря, устным, интуитивным и рождаемым непосредственно из самого факта, что прямо немислимо произвести разграничение, которое, быть может, будут в состоянии сделать наши потомки». Цит. по: *Рейснер М.А.* Государство буржуазии и РСФСР. С. 311.

⁴⁴ Шестнадцатый съезд ВКП (б). Стен. отчет. М., 1930. С. 341.

⁴⁵ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 38. М., 1969. С. 207. «Энгельс говорил: «Может быть, даже крупное крестьянство не везде придется подавлять насилием». А чтобы мы могли когда-нибудь применять насилие к среднему крестьянству (мелкое — наш друг), — об этом ни один разумный социалист никогда не думал. Так говорил Энгельс в 1894 г., за год до своей смерти, когда аграрный вопрос встал на

нако в докладе на V конгрессе Коминтерна (1924 г.) Н.И. Бухарин настаивал на том, что «мы новую экономическую политику рассматривали исключительно с точки зрения ее политической целесообразности, как политическую уступку мелкой буржуазии. Мы не думали, что новая экономическая политика сама по себе целесообразна и рациональна, но считали, что мы должны были ее ввести из политических соображений»⁴⁶. Впоследствии коллективизация рассматривалась как масштабный социально-экономический и государственно-правовой эксперимент по радикальному преобразованию производственных отношений на селе, искоренивший не только зажиточное крестьянство (кулачество), но и середняков. Несколькими десятилетиями спустя в советском правоведении было констатировано, что «сфера применения эксперимента в государственно-правовой науке и во всех общественных науках ограничена»⁴⁷;

7) в первых советских Основных законах содержались как нормы, закреплявшие сложившийся конституционный строй, так и нормы-цели, нормы-принципы, устанавливавшие программно-целевые установки его развития в будущем⁴⁸. В частности, определенное

очередь дня. Эта точка зрения нам показывает ту истину, которую иногда забывают, но относительно которой в теории мы все согласны. По отношению к помещикам и капиталистам наша задача — полная экспроприация. *Но никаких насилий по отношению к среднему крестьянству мы не допускаем.* Даже по отношению к богатому крестьянству мы не говорим с такой решительностью, как по отношению к буржуазии: абсолютная экспроприация богатого крестьянства и кулаков. В нашей программе это различие проведено». Цит. по: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 194.

⁴⁶ Цит. по: *Голанд Ю.* Политика и экономика. (Очерки общественной борьбы 20-х годов) // Знамя. 1990. № 3. С. 134. По словам М.А. Рейснера, «советский строй представляется несомненно идеалом по сравнению с тем рабством нищих и голодных, которое сейчас является участью пролетариата в странах буржуазно-капиталистического порядка. Но наши идеалы — только рабочие построения. Они дороги именно тем, что мы их постоянно передвигаем, что в них при помощи опыта мы собираем все наиболее полезное, лучшее и прекрасное, полагаемое целью нашей деятельности. Но судебное решение, постановленное справедливостью в качестве идеального вывода, не подлежит никакой перемене. Вот почему рабочий класс не занимается историческим судопроизводством, он творит». См.: *Рейснер М.А.* Государство буржуазии и РСФСР. С. 296.

⁴⁷ Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Т. 1. Основные понятия и институты / Отв. ред. Г.Н. Манов. М., 1970. С. 151.

⁴⁸ Как считает И.Н. Барциц, наличие конституционных иллюзий в основных законах страны предопределяется положением, что конституции призваны включать в себя нормы программного характера (нормы-цели). Эти нормы содержат положения о перспективах развития государства, нормативно закрепляют их,

распространение получила трактовка советской конституции как «рабочего плана». Председатель ВЦИК Я.М. Свердлов, считая, что конституция закрепляет достигнутое, вместе с тем указывал, что «декларативная часть должна иметь в виду существующее положение вещей, с одной стороны, а с другой стороны, соблюсти те или иные исторические перспективы, базироваться на прошлом и будущем»⁴⁹. Определение первой Конституции РСФСР как рабочего чертежа, временного «рабочего плана» для построения социализма и впоследствии коммунизма было дано М.А. Рейснером, который считал, что по мере необходимости и появления новых потребностей она может быть «без всяких церемоний переделана, дополнена или изменена»⁵⁰. Только к концу изучаемого периода в докладе И.В. Сталина о проекте общесоюзной Конституции Союза ССР 25 ноября 1936 г. утверждалось, что «между программой и конституцией имеется существенная разница. В то время как программа говорит о том, чего еще нет и что должно быть еще добыто и завоевано в будущем, конституция, наоборот, должна говорить о том, что уже есть, что уже добыто и завоевано теперь, в настоящем»⁵¹. Однако видимого разграничения между программой и конституцией ни в юридической науке, ни в практике правоприменения достигнуто не было;

8) при высокой степени централизации политической системы высшую юридическую силу имели политические доктрины, высказанные главой партии и государства. В советский период силу зако-

придают им обязательный характер. Нормы-цели и нормы-программы были сравнительно широко представлены в конституциях социалистических и некоторых развивающихся стран, именно в них, как правило, давались установки на строительство социализма и коммунизма. Представление о конституции как о документе, правовым путем фиксирующем «образ будущего» для страны, обуславливает закрепление в нем фиктивных положений, к которым государство и общество лишь стремятся. См.: *Барциц И.Н.* Конституционная мифология: возникновение, предназначение и практика применения (часть 1) // Государство и право. 2018. № 12. С. 66.

⁴⁹ Цит. по: *Шульженко Ю.Л.* Понятие конституции в науке советского государственного права // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 6. С. 13–14. Г.С. Гурвич, подчеркивая, что Конституция РСФСР подводит итоги достигнутого, вместе с тем указывал, что она представляет примерный план дальнейшего развития. Аналогичные взгляды обосновывали такие государствоведы, как Е.А. Энгель, В. Дябло и др.

⁵⁰ См.: *Скибина О.А.* Указ. соч. С. 191–192.

⁵¹ *Сталин И.В.* О проекте Конституции Союза ССР. Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М, 1945. С. 552.

на имели нормы, сформулированные в выступлениях генеральными секретарями коммунистической партии. Эти доктрины впоследствии формулировались в нормативных актах или применялись непосредственно. Почти сакральное значение имели нормы, высказываемые И.В. Сталиным в период нахождения его у власти⁵². Из 134 документов по истории Конституции РСФСР 1918 г., включенных в сборник, опубликованный Институтом права АН СССР в 1938 г., количественно преобладали отрывки из работ В.И. Ленина и И.В. Сталина, при этом нормативных актов было всего 57⁵³.

При этом имели место различия при создании Конституций 1918, 1924 и 1936 гг. В частности, составы конституционных комиссий зависели от сложившейся политической ситуации. Так, в 1918 г. в состав конституционной комиссии входили представители разных партий, в 1923 г. — представители союзных республик, а в 1935 г. в нее были включены крупнейшие деятели коммунистической партии: Сталин, Молотов, Чубарь, Бухарин, Радек, Вышинский, Акулов, Жданов, Каганович, Ворошилов, Литвинов. Отмечая сходство процедур при работе над созданием конституций, надо отметить, что в 1935–1936 гг. эта процедура была усовершенствована: она была дополнена всенародным обсуждением проекта, которое было не формальным, а было учтено в законодательной работе⁵⁴.

Конституция Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1918 г. стала первой советской конституцией и второй российской — после Основных государственных законов Российской империи 1906 г. П.И. Стучка назвал Конституцию РСФСР «конституцией гражданской войны», так как она открыто вставала

⁵² См.: *Денисов С.А.* Отражение интересов обособленных управленческих групп в системе источников позитивного права // Новая правовая мысль. 2004. № 3. С. 25. Ответственный сотрудник Международного отдела ЦК КПСС (в 1961–1991 гг.) К.Н. Брутенц обратил внимание на то, что специфической эволюции самой личности Генерального секретаря и окружающей его атмосферы способствовало то, что эта должность была, по существу, пожизненной и смена стала невозможной в рамках чисто партийных структур и процедур. Превратившись фактически в государственно-партийного руководителя (причем в этой дефиниции в соответствии с реальным положением дел слово «государственный» закономерно должно идти первым), генсек со сталинских времен опирался, наряду с партийным аппаратом, на силовые структуры. См.: *Брутенц К.Н.* Тридцать лет на Старой площади. М., 1998. С. 383–384.

⁵³ Подсчитано по: Документы по истории Советской Конституции (Конституции РСФСР 1918 года): Сб. док. / Под ред. А.Я. Вышинского. М., 1938.

⁵⁴ См.: *Максимова О.Д.* Указ. соч. С. 24.

на классовые позиции в вопросе принадлежности и реализации основных гражданских и политических прав и свобод⁵⁵.

М.А. Рейснер считал, что эта конституция была скроена «по испытанным буржуазно-демократическим образцам». К числу основных недостатков этого конституционного акта им были отнесены отсутствие положений, гарантирующих неприкосновенность советского и социалистического строя, нечеткость отражения коллективных прав трудящихся, обоснованных диктатурой пролетариата. По его мнению, советские юристы поспешили одеть диктатуру пролетариата и республику Советов в благоприличное одеяние буржуазно-подобного права⁵⁶.

В юридической литературе сталинского периода указывалось, что первая Советская Конституция «была самой демократической в мире Конституцией, несмотря на то, что вводилась в действие в обстановке гражданской войны и военной интервенции»⁵⁷. Постулировалось, что руководящая роль в работе Конституционной комиссии принадлежала И.В. Сталину, было положительно оценено то, что данная комиссия отвергла проект федеративного устройства М.А. Рейснера, в основу которого были положены территориально-экономические признаки, а также проект «конституции трудовой республики», предложенный эсерами-максималистами. Лишение избирательных прав эксплуататорских классов (ст. 65) рассматривалось как естественное, законное и исторически необходимое. Конституция РСФСР 1918 г. рассматривалась как законодательная основа всего последующего социалистического строительства⁵⁸.

Исследованию Конституции РСФСР посвящен целый ряд работ историков и юристов: Г.С. Гурвича, А.И. Лепешкина, Г.С. Калинина, Ю.С. Кукушкина, В.П. Портнова, М.М. Славина, Л.Г. Берлявского, И.А. Конюховой, А.П. Угроватова, С.А. Авакьяна, О.И. Чистякова, И.П. Климова и др.⁵⁹

⁵⁵ См.: *Стучка П.И.* Двенадцать лет революции государства и права // Революция права. 1929. № 6. С. 10.

⁵⁶ См.: *Рейснер М.А.* Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Л.; М., 1925. С. 29.

⁵⁷ См.: *Очерки по истории органов советской государственной власти (материалы к изучению истории советского государства и права) / С.А. Голембо, И.И. Евтихеев, А.И. Лепешкин и др.* С. 18.

⁵⁸ См.: *Вышинский А.Я.* Первая советская конституция // Документы по истории Советской Конституции (Конституции РСФСР 1918 года): Сб. док. / Под ред. А.Я. Вышинского. М., 1938. С. XV, XVI, XIX, XXI.

⁵⁹ См.: *Гурвич Г.С.* История Советской Конституции. М., 1923; *Лепешкин А.И.* Курс советского государственного права. Т. 1. М., 1961. С. 158–162; *Калинин Г.С.*

Современный исследователь Д.А. Пашенцев сделал важный вывод о том, что Конституция РСФСР имела в своей основе три источника: конституционализм как политико-правовое явление западной мысли; марксизм в его ленинской интерпретации; революционное правосознание новой правящей элиты. Сходство Российской Конституции с конституциями зарубежными проявилось в следующих аспектах: в названии (конституция) и в основном содержании (организация государственной власти, полномочия властных органов, избирательная система, правовой статус личности)⁶⁰. Каждый из источников требует дальнейшего осмысления.

Г.Н. Андреева считает, что опорой, при которой отталкивались при создании социалистических конституций, были западные идеи, переплетенные с идеями коллективизма и народнического социализма российского образца, что наглядно демонстрирует текст Конституции РСФСР 1918 г. Данная область конституционного права, как и социалистический конституционализм в целом, требует дополнительных исследований⁶¹.

А.Г. Гатауллин и Д.Р. Зайнутдинов настаивают на том, что Конституция РСФСР 1918 г. была правовой основой в военное время. На основании анализа ст. 9 ими сделан вывод о том, что данная конституция была документом «переходного периода», что делало ее уникальным среди «обычных» конституционных актов, в которых срок действия не прописывается. В целом же подобное временное ограничение действия несколько умаляет значение данного юридического документа как нормативного правового акта высшей юридической силы. Другими словами, Конституция РСФСР 1918 г. не гарантировала стабиль-

Великая Октябрьская социалистическая революция и создание Советского государства. М., 1959; Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. М., 1980; Чистяков О.И. Развитие Конституции Российской Федерации. М., 1980; Портнов В.П., Славин М.М. Этапы развития Советской Конституции (историко-правовое исследование). М., 1982; Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 г. М., 2003; Авакьян С.А. Конституционное право России. Т. 1. М., 2006. С. 194–196; Берлявский Л.Г. Конституция РСФСР 1918 года: проблемы изучения // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2008. № 3. С. 14–24; Памятники российского права: В 35 т. Т. 24. Конституции СССР и РСФСР / Под ред. Р.Л. Хачатурова. М., 2016. С. 92–120; Климов И.П. Первая советская Конституция в современной отечественной научно-исследовательской литературе (к 100-летию юбилею Конституции РСФСР 1918 г.) // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 7. С. 13–15; и др.

⁶⁰ См.: Пашенцев Д.А. Указ. соч. С. 94.

⁶¹ См.: Андреева Г.Н. Проблема полноты научной картины российской конституционной истории. С. 55.

ность общественных отношений и правопорядка, указанных в ее содержании, и «априори» подразумевала их однозначное изменение⁶².

Однако в ст. 9 данной Конституции указывается, что ее основная задача сведена к водворению «социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти» и была рассчитана не на некий переходный период, а на целую историческую эпоху, связанную с утверждением даже не социализма, а коммунизма, который именно так понимался его основоположниками. В данной декларативной норме проявился утопический аспект Основного закона РСФСР 1918 г.

С.М. Шахрай утверждает, что «фактически Конституция РФ 1993 г. была первой масштабной попыткой создания новой государственности и нового социального порядка. Это была попытка привести власть и общество в новое качество»⁶³. Представляется все же, что первой подобной попыткой создания новой государственности и нового социального порядка была Конституция РСФСР 1918 г. Игнорирование этого приведет к неизбежному отрицанию общеизвестных фактов отечественной конституционной истории.

Стоит обратить внимание на то, что один из непосредственных участников подготовки первой Советской Конституции Г.С. Гурвич еще в 1923 г. жаловался на гибель источников по истории Конституции, на то, что ему материалы для своей книги приходилось собирать по крупицам. По словам О.И. Чистякова, «даже основной источник по истории Конституции РСФСР 1918 г. — протоколы Конституционной комиссии ВЦИК — дошел до нас не в полном составе, да и в таком виде, что порой трудно докопаться до смысла зафиксированных в них выступлений членов Комиссии»⁶⁴.

На заседаниях Конституционной комиссии (апрель — август 1918 г.) обсуждались различные предложения по проекту конституции, которые, к сожалению, в юридической литературе последнего времени ана-

⁶² См.: *Гатауллин А.Г., Зайнутдинов Д.Р.* Конституция РСФСР 1918 года как правовая основа в военное время // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9. С. 16.

⁶³ Цит. по: *Кроткова Н.В., Шульженко Ю.Л., Виноградова Е.В., Данилевская И.Л.* Четверть века конституции России: осмысление опыта (к итогам всероссийской научной конференции «XXV лет Конституции Российской Федерации: трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества») // Государство и право. 2019. № 3 [Эл. ресурс]. URL: <http://ras.jes.su/gp/s013207690004421-5-1> (дата обращения: 19.10.2020).

⁶⁴ *Чистяков О.И.* Избранные труды. С. 339.

лизировались крайне фрагментарно. Между тем левые эсеры в этой комиссии предлагали объявить любую область «федеративной республикой» и предоставить ей неограниченные права, вплоть до осуществления самых широких «законодательных» функций; ликвидировать Совет Народных Комиссаров, заменив наркоматы отделами при ВЦИК. Эсеры-максималисты предлагали исключить из названия государства РСФСР указание на его социалистический характер, а также немедленно уничтожить всякую собственность, в том числе личную, обобществить предметы личного пользования, уничтожить деньги, торговлю⁶⁵.

Через несколько лет, уже в эмиграции левый эсер А. Шрейдер называет Конституцию 1918 г. «диспозицией большевистской атаки». Список вопросов, подлежащих ведению большевистского центра, левые эсеры посчитают непомерно большим. Они разработают свой проект с разделами «О пределах власти и об обязанностях местных и центральных органов власти» и «О предметах ведения центральной власти», придут к пониманию того, что власть — это не право командования, а возможность исполнения обязанностей перед народом и что всякая политическая и административная конкуренция в этом деле идет только на пользу. Но тогда, в 1918 г. эсеры еще плохо понимали, чем может обернуться демократия в стране с недемократической культурой, и переломить ситуацию в Конституционной комиссии особенно не пытались⁶⁶.

В основу содержания всех советских конституций (с небольшими отступлениями) положены идеи, впервые сформулированные в Конституции РСФСР 1918 г.: идеал классового государства; вся конструкция власти на общенациональном и иных территориальных уровнях была возложена на особые представительные органы власти — Советы, которые в каждом их звене провозглашались высшей формой власти; Советы как универсальные органы власти состояли из депутатов, не являвшихся профессиональными политиками; установление партийного (коммунистическая партия) характера государства; отрицание частной собственности, признание государственной и коллективных форм собственности в качестве основ экономической организации государства и общества, господствующих форм хозяйства в СССР и РСФСР⁶⁷.

⁶⁵ См.: История государства и права. Часть 2 (советский период) / Отв. ред. Г.С. Калинин. М., 1966. С. 83–84.

⁶⁶ См.: Земцов Б.Н. Конституционные основы большевистской власти (первая советская Конституция 1918 г.) // Российская история. 2006. № 5. С. 68.

⁶⁷ См.: Овсянян Ж.И. Лекции о конституциях России. Учеб. курс. Ростов н/Д, 2016. С. 146–157.

Таким образом, программная функция первых советских конституций была преобладающей. В этом плане конституционное (государственное) право советского периода возможно охарактеризовать как конституционно-программное, которое проявлялось в том, что в программных документах правящей партии зачастую содержались представления ее руководящих органов о конституционном идеале. В советских партийных и государственных документах, научных трудах юристов-государствоведов обосновывался приоритет политической целесообразности, социально-политического программирования и экспериментирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: В 2 т. Т. 1. М.: Норма, ИНФРА-М, 2014.

Автономов А.С. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М.: Проспект, 2005.

Берлявский Л.Г., Данихно С.Н. Классификация источников конституционного права. М.: Юрлитинформ, 2019.

Венедиктов А.В. Правовая природа государственных предприятий. Л.: Прибой, 1928.

Винниченко О.В., Ваганов А.М. К вопросу об определении статуса партийных актов в системе источников советского права // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2012. Вып. 3. С. 204–209.

Государственное право стран народной демократии / Гудошников Л.М., Коток В.Ф., Туманов В.А., Фарберов Н.П.; под ред. В.Ф. Котока. М.: Юридическая литература, 1961.

Документы по истории Советской Конституции (Конституции РСФСР 1918 года): Сб. док. / Под ред. А.Я. Вышинского. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938.

Исаев И.А. История государства и права России. М.: Юристъ, 2004.

Историография сталинизма. Сб. ст. / Под ред. Н.А. Симония. М.: РОССПЭН, 2007.

Королева Е.В. Организационно-правовые основы коллективизации сельского хозяйства в Советской России в 20–30-е годы XX века: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Место защиты: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина. Курск, 2013.

Кравец И.А. Конституция и ценности конституционализма как мега-парадигмы // Государство и право. 2018. № 12. С. 44–55.

Кондурушкин И.С. Хозяйственно-экономические судебные процессы периода нэпа. Обвинительные речи. М.; Л.: Госиздат, 1930.

Кроткова Н.В., Шульженко Ю. Л., Виноградова Е.В., Данилевская И.Л. Четверть века конституции России: осмысление опыта (к итогам всероссийской научной конференции «XXV лет конституции Российской Федерации: трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества») // Государство и право. 2019. № 3 [Эл. ресурс]. URL: <http://ras.jes.su/gp/s013207690004421-5-1> (дата обращения: 19.10.2020).

Лучин В.О. Источники советского государственного права: Учеб. пособие. Куйбышев, 1976.

Максимова О.Д. Законотворчество в Советском государстве 1917–1936 годах: Дисс. ... д-ра юрид. наук. Место защиты: МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2015.

Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Т. 1. Основные понятия и институты / Отв. ред. Г.Н. Манов. М.: Юридическая литература, 1970.

Овсепян Ж.И. Лекции о конституциях России. Учеб. курс. Ростов н/Д: Феникс, 2016.

Основиц В.С. Нормы советского государственного права. М.: Юридическая литература, 1963.

Очерки по истории органов советской государственной власти (материалы к изучению истории советского государства и права) / С.А. Голембо, И.И. Евтихеев, А.И. Лепешкин и др. М.: Госюриздат, 1949.

Памятники российского права: В 35 т. Т. 24. Конституции СССР и РСФСР / Под ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2016.

Пашенцев Д.А. Конституция РСФСР 1918 года как памятник революционной эпохи (к 100-летию первой российской конституции) // Государство и право. 2018. № 11. С. 90–96.

Рейснер М.А. Государство буржуазии и РСФСР. М.; Пг.: Государственное изд-во, 1923.

Рейснер М.А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Л.; М.: Государственное изд-во, 1925.

Скибина О.А. Государственно-правовые взгляды М.А. Рейснера: Дисс. ... канд. юрид. наук. Место защиты: Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Белгород, 2015.

Стучка П.И. Революционная роль советского права. М.: Советское законодательство, 1934.

Стучка П.И. Учение о Советском государстве и его Конституции СССР и РСФСР. М.; Л.: Государственное изд-во, 1929.

Теория государства и права / Под ред. В.К. Бабаева. М.: Юрист, 2003.

Токмин С.А. Партийные акты в системе источников советского права: Дисс. ... канд. юрид. наук. Место защиты: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. Омск, 2016.

Философия и идеология: от Маркса до постмодерна / Отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов. М.: Прогресс-Традиция, 2018.

Чиркин В.Е. Глобальные модели политической системы современного общества: индикаторы эффективности // Государство и право. 1992. № 5. С. 82–89.

Чистяков О.И. Избранные труды. М.: Норма, 2008.

REFERENCES

Avak'yan, S.A. (2014) *Konstitucionnoe pravo Rossii. Uchebnyj kurs*. V 2-h t. T. 1 [Russian constitutional law. Training course. In 2 vols. Vol. 1.]. Moscow: Norma, INFRA-M. (in Russ.)

Avtonomov, A.S. (2005) *Konstitucionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnyh stran* [Constitutional (state) law of foreign countries]. Moscow: Prospekt. (in Russ.)

Berlyavskij, L.G., Danilino, S.N. (2019) *Klassifikaciya istochnikov konstitucionnogo prava* [Classification of sources of constitutional law]. Moscow: Yurlitinform. (in Russ.)

Venediktov, A.V. (1928) *Pravovaya priroda gosudarstvennyh predpriyatij* [The legal nature of state enterprises]. Leningrad: Priboj. (in Russ.)

Vinnichenko, O.V., Vaganov, A.M. (2012) K voprosu ob opredelenii statusa partijnyh aktov v sisteme istochnikov sovetskogo prava [Determination of the status of the party acts in the system of sources of the Soviet law]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya* [Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research]. Issue 3. Pp. 204–209. (in Russ.)

Gosudarstvennoe pravo stran narodnoj demokratii (1961) [State law of the countries of people's democracy] / Gudoshnikov, L.M., Kotok, V.F., Tumanov, V.A., Farberov, N.P.; pod red. V.F. Kotoka. Moscow: Yuridicheskaya literatura. (in Russ.)

Dokumenty po istorii Sovetskoj Konstitucii (Konstitucii RSFSR 1918 goda): Sb. dok. (1938) [Documents on the history of the Soviet Constitution (Constitution of the RSFSR of 1918)] / pod red. A. Ya., Vyshinskogo. Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYU SSSR. (in Russ.)

Isaev, I.A. (2004) *Istoriya gosudarstva i prava Rossii* [History of state and law of Russia]. Moscow: Yurist". (in Russ.)

Istoriografiya stalinizma. Sb. st. (2007) [Historiography of Stalinism. Collection of articles] / pod red. H.A., Simoniya. Moscow: ROSSPEN. (in Russ.)

Koroleva, E.V. (2013) *Organizacionno-pravovye osnovy kollektivizacii sel'skogo hozjajstva v Sovetskoj Rossii v 20–30e gody XX veka* [Organizational and legal bases of collectivization of agriculture in Soviet Russia in the 20–30s of the XX century]. Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Mesto zashchity: Eleckij gosudarstvennyj universitet im. I.A. Bunina. Kursk. (in Russ.)

Kravec, I.A. (2018) Konstituciya i cennosti konstitucionalizma kak mega-paradigmy [The Constitution and the values of constitutionalism as a mega-paradigm]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. No 12. Pp. 44–55. (in Russ.)

Kondurushkin, I.S. (1930) *Hozjajstvenno-ekonomicheskie sudebnye processy perioda nepa. Obvinitel'nye rechi* [The economic trials of the NEP period. Accusatory speeches]. Moscow-Leningrad: Gosizdat. (in Russ.)

Krotkova, N.V., Shul'zhenko, Yu. L., Vinogradova, E.V., Danilevskaya, I.L. (2019) Chetvert' veka konstitucii Rossii: osmyslenie opyta (k itogam vserejskoj nauchnoj kon-

ferencii «XXV let konstitucii Rossijskoj Federacii: transformacija paradigmy prava v civilizacionnom razvitii chelovechestva») [Quarter of a century of the Constitution of Russia: understanding the experience (to the results of the all-Russian scientific conference “XXV years of the Constitution of the Russian Federation: transformation of the paradigm of law in the civilizational development of mankind”)]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. No 3. Available at: <http://ras.jes.su/gp/s013207690004421-5-1> (accessed 19.10.2020). (in Russ.)

Luchin, V.O. (1976) *Istochniki sovetskogo gosudarstvennogo prava. Uchebn. Posobie* [Sources of Soviet state law. Textbook]. Kuybyshev. (in Russ.)

Maksimova, O.D. (2015) *Zakonotvorchestvo v Sovetskom gosudarstve 1917–1936 godah* [Lawmaking in the Soviet state 1917–1936]. Dis... d-ra yurid. nauk. Mesto zashchity: MGU im. M.V. Lomonosova. Moscow. (in Russ.)

Marksistsko-leninskaya obshchaya teoriya gosudarstva i prava. T.1. Osnovnye ponyatiya i instituty (1970) [Marxist-Leninist General theory of state and law. Vol. 1. Basic concepts and institutions] / otv. red. G.N. Manov. Moscow: Yuridicheskaya literatura. (in Russ.)

Ovsepyan, Zh.I. (2016) *Lekcii o konstituciyah Rossii. Uchebn. kurs* [Lectures on the constitutions of Russia. Textbook]. Rostov-on-Don: Feniks. (in Russ.)

Osnovin, V.S. (1963) *Normy sovetskogo gosudarstvennogo prava* [Norms of Soviet state law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura. (in Russ.)

Ocherki po istorii organov sovetskoj gosudarstvennoj vlasti (materialy k izucheniyu istorii sovetskogo gosudarstva i prava) (1949) [Essays on the history of the organs of Soviet state power (materials for the study of the history of the Soviet state and law)] / S.A. Golembo, I.I. Evtiheev, A.I. Lepeshkin i dr. Moscow: Gosyurizdat. (in Russ.)

Pamyatniki rossijskogo prava. V 35 t. T. 24. Konstitucii SSSR i RSFSR (2016) [Monuments of Russian law. 35 T. T. 24. The Constitution of the USSR and RSFSR] / pod red. R.L. Hachaturova. Moscow: Yurlitinform. (in Russ.)

Pashencev, D.A. (2018) Konstituciya RSFSR 1918 goda kak pamyatnik revolyucionnoj epohi (k 100-letiyu pervoj rossijskoj konstitucii) [The Constitution of the RSFSR of 1918 as a monument to the revolutionary era (to the 100th anniversary of the first Russian Constitution)]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. No 11. Pp. 90–96. (in Russ.)

Rejsner, M.A. (1923) *Gosudarstvo burzhuazii i RSFSR* [The State of the bourgeoisie and the RSFSR]. Moscow-Petrograd: Gosudarstvennoe izd-vo. (in Russ.)

Rejsner, M.A. (1925) *Pravo. Nashe pravo. Chuzhoe pravo. Obshchee pravo* [Law. Our law. Foreign law. Common law]. Leningrad-Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo. (in Russ.)

Skibina, O.A. (2015) *Gosudarstvenno-pravovye vzglyady M.A. Rejsnera* [State-legal views of M.A. Rejsner]. Dis... kand. yurid. nauk. Mesto zashchity: Belgorodskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet. Belgorod. (in Russ.)

Stuchka, P.I. (1934) *Revolucionnaya rol' sovetskogo prava* [The Revolutionary role of Soviet law]. Moscow: Sovetskoe zakonodatel'stvo. (in Russ.)

Stuchka, P.I. (1929) *Uchenie o Sovetskom gosudarstve i ego Konstitucii SSSR i RSFSR* [The doctrine of the Soviet state and its Constitution of the USSR and RSFSR]. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izd-vo. (in Russ.)

Teoriya gosudarstva i prava (2003) [Theory of state and law] / pod red. V.K. Babae-va. Moscow: Yurist". (in Russ.)

Tokmin, S.A. (2016) *Partijnye akty v sisteme istochnikov sovetskogo prava* [Party acts in the system of sources of Soviet law]. Dis... kand. yurid. nauk. Mesto zashchity: Omskij gosudarstvennyj universitet im. F.M. Dostoevskogo. Omsk. (in Russ.)

Filosofiya i ideologiya: ot Marksa do postmoderna (2018) [Philosophy and ideology: from Marx to postmodern] / otv. red. A.A. Gusejnov, A.V. Rubcov. Moscow: Progress-Tradiciya. (in Russ.)

Chirkin, V.E. (1992) Global'nye modeli politicheskoy sistemy sovremennogo obshchestva: indikatory effektivnosti [Global models of the political system of modern society: performance indicators]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. No 5. Pp. 82–89. (in Russ.)

Chistyakov, O.I. (2008) *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: Norma. (in Russ.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Берлявский Леонид Гарриевич — профессор кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Ростовского государственного экономического университета «РИНХ», доктор исторических наук, кандидат юридических наук.

AUTHOR'S INFO:

Berlyavsky Leonid Garrievich — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law, Rostov State University of Economics «RINH», Doctor of History, Candidate of Law

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Берлявский Л.Г. Конституционно-программный характер советского государственного права // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2020. Т. 14. № 6. С. 94–119. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-6-berlyavsky

FOR CITATION:

Berlyavsky, L.G. (2020) Constitutional and programmatic nature of the Soviet state law. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS, 14(6), pp. 94–119. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-6-berlyavsky